

A movie poster featuring two young boys in a room with a large window. The boy in the foreground is sitting at a wooden desk, looking out the window with a thoughtful expression. He is wearing a dark grey hoodie and holding a yellow pencil. On the desk is a notebook with a grid pattern. The boy in the background is standing, looking at the first boy with a gentle smile. He is wearing a light-colored, long-sleeved shirt. The window shows a view of a town with houses and a church with a dome. The lighting is warm and golden, suggesting late afternoon or early morning.

Николай Глазов

Слезы подростка

Николай Глазов

Слезы подростка

«Автор»

2026

Глазов Н. А.

Слезы подростка / Н. А. Глазов — «Автор», 2026

Матвею четырнадцать, он живёт с мамой в Архангельске и больше всего мечтает о брате. Однажды его мечта сбывается неожиданно: к нему приходит святой отрок Артемий Веркольский — мальчик, живший в XVI веке, погибший от молнии и прославленный Богом. Артём становится Матвею небесным братом: помогает с математикой, поддерживает в ссорах с друзьями, учит прощать и признавать ошибки. Но главное чудо — не в подсказках на контрольной, а в том, что рядом всегда есть тот, кто любит тебя просто за то, что ты есть. Светлая и трогательная повесть о дружбе, взрослении и вере для читателей от 6 лет и старше.

© Глазов Н. А., 2026

© Автор, 2026

Николай Глазов

Слезы подростка

Повесть «Слеза подростка »

Автор: Глазов Николай Александрович, Иван Дмитриевич Мешалов.

Жанр: православный хоррор

Глава первая. Багровая капля

Небольшой посёлок в Архангельской области под названием Зорька лежал среди сырых, молчаливых лесов. От него начиналась узкая дорога, что вилась между сосен и болот, вела к маленькой деревне, где дома стояли редко, будто боялись подходить друг к другу слишком близко. Небо над Зорькой в тот день было покрыто тяжёлыми, почти чёрными тучами. Дождь лил холодный, расчётливый, безжалостный — как из ведра. Он стучал по крышам, стекал по стёклам, размывал землю и, казалось, хотел смыть всё живое, что ещё держалось за тепло.

В этом посёлке, среди мокрых елей и старых изб, стоял детский дом «Солнышко». Православный. Небольшой, с белыми стенами, с иконами в красном углу, с запахом воска и хлеба. Иногда сюда приезжал священник — служил молебны, исповедовал, просто разговаривал с детьми. Жили в «Солнышке» самые разные ребята: шумные и тихие, дерзкие и робкие, обиженные жизнью и всё ещё верящие в чудо. Но среди всех выделялся мальчишка Ванюшка.

Это был красивый мальчик, будто сошедший с иконы или с обложки старого журнала. Длинные волосы его были стянуты небольшой резинкой в маленькую косу — совсем небольшую, почти незаметную. Глаза у него были бездонные, в них отражалась какая-то ангельская доброта и вместе с тем удивление. Не только воспитатели, но и дети невольно замирали, когда он смотрел на них. Ванюшка был тем самым ребёнком, который для всех стал родным братишкой. Он поддерживал, помогал, утешал, казался опорой. Если кто-то плакал — он подходил первым. Если кто-то ссорился — он мирил. Если кто-то боялся темноты — он садился рядом и тихо говорил: «Не бойся. Я здесь».

Отец Николай Ергин — добрый иерей — часто навещал этот детский дом. У него была жена Катя и сын, и он любил всех детишек, но, к сожалению, его материальное и физическое положение не позволяло взять ребёнка из детского дома. Да и с женой было столько хлопот, да и воспитание собственного сына требовало сил. Он не мог. Хотя, может быть, где-то в глубине души и хотел подарить не только родному, но и приёмному ребёнку счастье, заботу и уют. Но кроме этого, он часто приезжал сюда, и особенно запал ему в сердце Ванюша. Они были самыми близкими, считай, друзьями. Батюшка как мог поддерживал этого мальчонку, помогал ему, утешал.

Как-то в храме после литургии, когда Ванюша причастился, отец Николай обратил внимание, что мальчик стоит перед иконой Голгофы, перед Крестом Христовым, и плачет. Батюшка спускался с левого дьяконского придела, уже в обычной одежде, и слышал тихий шёпот. Ваня говорил, едва разжимая губы:

— Господи, пожалуйста, дай мне любящего опекуна, который будет помогать мне, любить меня и станет мне настоящим папой.

Отец Николай, услышав мольбу этого мальчишки, не выдержал и проронил свою первую слезу. Он подошёл к ребёнку и коснулся его плеча. Двенадцатилетний Ванюша вздрогнул, обернулся, но сразу успокоился, увидев отца Николая. Он спросил:

— Батюшка, а как думаете, меня кто-нибудь когда-нибудь усыновит?

Отец Николай посмотрел на икону. Рядом стояли Божия Мать и апостол Иоанн. Он не знал, что сказать. И будто бессознательно у него пришли мысли, и он сразу начал их говорить, даже не понимая, зачем он это говорит.

— Ты знаешь, Ванюш, Господь, видя, что Он восходит к Отцу распятый, видя, что Божия Мать останется совсем одна, не имея родного сына, сказал апостолу Иоанну: «Сие есть Мати твоя», а Божией Матери: «Сие есть сын твой». Итак, апостол Иоанн приобрёл матушку, и мы все матушку, а Божия Мать — сына, который любил Её как родной сын. Обязательно найдётся, обязательно.

И, приобняв Ваню, сказал:

— Пойдём, храм уже закрывается.

Они потихоньку вышли. Дом находился в полверсте от храма, и Ваня направился в детский дом. Дождь уже стих, а воспитатели готовились ко сну.

А рано утром к детскому дому подъехала машина. Из неё вышел строгий человек в деловом костюме и деловых штанах. Сняв очки, он будто властелин этого места спокойно вошёл в детский дом. Пройдя в кабинет директора, он монотонно, три раза, будто совершая таинство, постучал. В ответ он слышал:

— Входите.

И, войдя, он шёл медленно, спокойно и уверенно. В кабинете директора горела люстра, виднелись книги с детской и не только литературой. В конце комнаты стояли два кресла и стол, на котором, облокотившись, сидела Мария Михайловна. Это была женщина физически сильная, выносливая, но добрейшей души. Сложив руки крестом, она посмотрела на человека и спросила:

— Вы к кому?

Мужчина, представившись Антоном Владимировичем, сказал:

— Я за Ванюшей.

— Простите, за кем?

— Иваном Мишаловым, — повторил Антон Владимирович.

— Угу.

И положил чемодан. В нём сверкали зелёные бумажки, от которых любой человек таял.

— Надеюсь, этого хватит.

Директор, посмотрев, уныло промолчала и резко крикнула:

— Ваня! Вань! Мишалов! Иди сюда!

Ваня тут же прибежал, спросив:

— Вы меня звали, Мария Михайловна?

— Да-да, Мишалов, иди, познакомься. Это Антон Владимирович. Он хочет с тобой поговорить.

— Ну здравствуй, Ваня. Хочешь папку? — спросил Антон.

Ваня, обрадовавшись, не поверил своим ушам:

— Вы правда меня возьмёте?

— Конечно, а как иначе?

Всё прошло незаметно и быстро, так как у самого Антона Владимировича были все документы на руках. И неудивительно — у таких влиятельных людей всегда всё на своём месте. Казалось, они время просто так не теряют. Ваня, гордо поднимая голову вверх, будто задирая нос, шёл со своим новым приёмным отцом. Он ещё не знал, что это за человек.

Быстро упаковав одежду своего уже приёмного сына в багажник, а сыночка посадив на заднее кресло, сам сев за руль, они начали выезжать. Дождь, ещё будучи грибным, стал опять ливнем. Настолько сильным, что, казалось, даже сравнение «как из ведра» не подходит. Казалось, сама природа плакала настолько сильно, предвидя то несчастье, которое переживёт мальчик.

Дом их находился в семи локтях от детского дома и от храма и напоминал обветшавшее деревянное здание, в котором на верхнем этаже иногда горело окно от свечи. Дом был старинный, казалось, именно фамильный дом Шнейдеров.

Антон Владимирович был добрым человеком. Жил он с женой Еленой Викторовной и её матерью, которую все называли тёщей. Тёща была, напротив, злая и нетерпеливая женщина. Она часто приносила мальчишке страдания. Сколько раз он плакал. И как-то раз, когда страдания стали невыносимыми, когда он разбил вазу, тёща, увидев это, избила мальчугана так, что вся пятая точка была красная и синяя от боли, и поставила в угол на колени. Из коленей текла кровь. Из слёз Ванюши плакали слёзы, а сверху, со святого уголка, взирал Господь и Божия Матерь. И казалось, будто сами они взирают на слёзы этого мальчишки. Он лишь говорил:

— Господи, что я такого сделал, чтобы меня так мои папа и мама ведь не любят? За что, скажи?

И слёзы смешивались с багровой лужей на полу. После этого угла Ваня заснул очень тревожным сном. Во сне он видел, как он стоит на Голгофе, и Господь с Божией Матерью, апостолом Иоанном и с ним взирают на Господа, истекавшего кровью. Господь, из последних сил взирая на Божию Матерь и на апостола Иоанна и со скорбящими глазами на того отрока, что переживает невыносимые страдания, сказал лишь слово:

— Не плачь. Помни, претерпевший до конца спасётся. Не мсти за себя, малыш, но дай место гневу Божьему. Люби врагов твоих. Если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напои его: ибо, делая сие, ты собираешь ему на голову горящие угли.

И сон прекратился. Ваня оказался исцелённый. Мачеха от этого не находила себе покоя. Она лишила его еды. Мальчик часто плакал пред иконой. В какой-то миг он не выдержал. Его сердце стало вести себя странно. Пульс стал учащаться, и в скором времени у мальчика было подозрение на инфаркт. Мальчика увезли скорой помощью, и уже в больнице под лечением было определено, что у мальчика синдром Такоцубо. Из-за резких перепадов пульса и скачков давления мальчик впал в кому. И пока он был в коме около года, начались самые несчастные бедствия и страдания в семье.

Мачеха всё говорила своему мужу:

— Всё ты, Антоха, не так делаешь, этого приёмыша взял, пожалел его. Наш сын умер, ты решил мне этой мразью заменить.

И как только она ударила стуком, обратив внимание на потолок, начала капать красная жидкость. Это была слеза, не пахнувшая кровью, просто красная. Она капала до тех пор, пока потолок не прогнил и лампа не треснула. Мачеха испугалась:

— Что это? Проклятие какое-нибудь?

Антон Владимирович лишь:

— Я не знаю, не знаю. Елена, Елена, я не знаю, правда.

Елена Викторовна сама не понимала, что происходит, дрожала от ужаса. Казалось, в этот миг всё рушится: все её планы, все её надежды, вся жизнь пошла насмарку. Не понимая, она пошла в церковь. Сказала батюшке. Однако батюшка, подумав, что с Еленой Викторовной что-то не так, лишь сказал:

— Слушай, милая, может тебе к психиатру сходить? Это ж не моя прерогатива, милая. Это ж ты к специалисту обратись, может, полечиться тебе надо.

Елена Викторовна лишь отошла от батюшки и спокойно вышла из храма, даже не понимая, что и как происходит. Идя до своего дома, а идти надо было долго, поэтому дойдя до остановки, она сидела. Тут сидел мальчик. Елена Викторовна, посмотрев ему в глаза, сказала:

— Отстань, дай мне побыть.

И вдруг пошёл дождь, и он был багровый. Казалось, вся земля налилась красным цветом. Елена Викторовна, испугавшись, встала, и, подъехав автобус, быстренько вышла, и он напирался. Казалось, всё напоминало о тех слезах Вани.

Год подходил к концу, и двигалась Пасха. И в этот миг, когда она стояла пред иконой и уже сварив все куличи и просила благословения на Пасху, она увидела, как из глаз Божией Матери и из глаз Младенца потекли багровые слёзы. В этот миг Елену Викторовну пронзило сознание. Она закричала:

— Господи, спаси! Спаси сына моего родного Ваню! Я виновата, я его до этого довела! Прости меня!

И она закричала, погружаясь в своё детство, вспоминая, как мать её била и наказывала, постоянно ставила в угол, а потом говорила:

— Я ж от любви, милая моя, я ж люблю тебя и переживаю, я хочу, чтоб ты выросла хорошей.

Она покаялась, и в первый раз её сердце стало светлым. И она перестала видеть слёзы, она видела улыбки ребят. Она как-то после храма, сев на площадку, увидела, что дети улыбаются. И всё изменилось, всё стало лучше, как будто вся жизнь изменилась.

Однако батюшка, отец Николай, был человек мудрый. Он сразу же доложил в органы опеки, что Елена Викторовна не в себе, и мальчика снова вернули в детский дом. Ему уже исполнилось целых четырнадцать лет.

В детском доме «Солнышко» снова зажгли лампы. Ваня вернулся тихим, повзрослевшим, с глазами, в которых уже не было прежнего детского удивления. Он больше не спрашивал, почему люди бывают жестоки. Он знал. Но он также знал другое: претерпевший до конца спасётся. Он не мстил. Он не проклинал. Он просто жил — помогал малышам, читал молитвы, подолгу стоял у икон.

Отец Николай часто приезжал к нему. Они сидели на скамейке у храма, смотрели на лес, на небо, на редкие просветы между тучами. Ваня однажды спросил:

— Батюшка, а та багровая капля... она ведь была не кровью?

— Нет, Ванюш. Она была слезой. Слезой, которую не поняли люди, но понял Бог.

— А Елена Викторовна?

— Она покаялась. И это важнее, чем всё остальное. Но путь её ещё долг. И у тебя путь долг. Только не ожесточайся.

Ваня кивнул. Он смотрел на свои руки, на тонкие пальцы, на которых уже не было следов побоев, но память осталась. Он знал, что где-то в старом доме Шнейдеров всё ещё горит свеча. И, может быть, эта свеча — его молитва. Может быть, именно она не даёт тьме окончательно победить.

А дождь над Зорькой всё шёл и шёл. Но теперь он казался не наказанием, а очищением. И в каждой капле, падающей на землю, Ваня видел не багровый цвет, а прозрачный свет — свет надежды, который никогда не гаснет до конца.

Сборник «Анатомия страданий»

Глава вторая. Зеркало Ванюши

Прошёл год. Ваня опять оказался в том самом детском доме «Солнышко», среди знакомых стен, среди тех же икон, среди тех же детей, которые за это время подросли, но остались такими же сиротами — кто-то уже потерял надежду, а кто-то всё ещё ждал. Ваня вернулся другим. Не внешне — внешне он остался всё тем же красивым мальчиком с длинной косой и бездонными глазами. Но внутри что-то переменялось. Он стал тише, глубже, будто в его душе прогорела какая-то свеча, оставив после себя не пепел, а тёплый, ровный свет.

В этот раз его пришёл навестить сам отец Николай Ергин со своей супругой Танюшей. Танюша была женщиной мягкой, с тихим голосом и добрыми руками — она всегда приносила детям что-нибудь вкусное, но не это было главным. Главным было то, что она умела слушать. Просто сидеть рядом и слушать, не перебивая, не поучая, не жалея слишком громко. Она понимала, что сиротам не нужно громкое сострадание — им нужно тихое присутствие.

Увидев мальчика, сидящего у иконы и плачущего, отец Николай подошёл и приобнял ребёнка. Он не стал спрашивать, что случилось. Он просто сказал:

— Бедное ты моё дитя! Когда же эти страдания кончатся? Но не переживай, отрок ты мой родной. Не забывай, что всякое страдание очищает нас от грехов.

Ваня посмотрел на батюшку. В его глазах не было слёз — слёзы уже высохли, оставив только влажный блеск. Он молча кивнул, а потом спросил:

— Отец Николай...

— Да? — отозвался батюшка, внимательно глядя на мальчика.

— Что? — переспросил Ваня, будто сам не ожидал, что заговорил.

— Ты хотел что-то сказать, Ванюш?

Ваня помолчал. Потом тихо, почти шёпотом, сказал:

— Знаете, я бы мечтал покупаться в аквапарке или побыть в комнате кривых зеркал. Как бы было замечательно!

Батюшка улыбнулся — светло, по-доброму, как умел улыбаться только он. В этой улыбке не было ни капли снисходительности, только тепло.

— Обязательно побудешь, Ванюш. Там интересно и смешно, наверное, — сказал он. — А знаешь, в комнате кривых зеркал человек видит себя не таким, какой он есть на самом деле. Смешно, да. Но порой и страшно — потому что можно увидеть то, что скрыто. Но ты не бойся,

Ванюш. Ты смотри в зеркало и помни: ты — дитя Божие. Каким бы ты себя ни увидел, это не изменит того, что Господь тебя любит.

— Ладно, мне идти пора. Давай, — сказал батюшка и потихоньку ушёл по своим делам. Танюша обняла Ваню на прощание и прошептала:

— Держись, милый. Господь не оставит.

Комната, где располагался Ванюша, была из нескольких кроватей. Здесь лежали самые разные подростки, дети и сам Ванюшка. Кто-то читал, кто-то рисовал, кто-то просто смотрел в потолок, боясь заснуть, потому что сны были страшнее яви. Ванюша стоял в углу, взирая на икону Христа. Свет лампы дрожал на лице Спасителя, и казалось, что Господь смотрит прямо на мальчика — не на всех, а именно на него.

— Господи, может, другого усыновителя пошлешь или опекуна? Доброго, хорошего, который будет меня любить, помогать и заботиться, — шептал Ванюша. Только и вопил он в тишине, обращаясь к Тому, Кто, как он верил, слышит всё.

Казалось, что может всё-таки появиться тот человек, который его полюбит. А внутри Ванюша думал: «Конечно, появится. Ну не может быть такого, что меня никто не полюбит. Неужели Господь оставит меня сиротой? Обязательно найдётся тот, кто меня и примет, и полюбит». Всё так в себе рассуждал да и думал Ванюшка. Он не знал, что иногда Господь отвечает не сразу — не потому, что не слышит, а потому, что готовит нечто большее, чем мы просим.

Как ни с того, как ни с сего, опять кто-то пришёл к детскому дому. Это уже была молодая пара. Придя, они постучали директору. Директор открыла, и они вошли. Та пара, посмотрев, сказали:

— Вы знаете, я бы очень хотел, — говорит мужчина, — мальчишку, наверное, лет десяти-тринадцати, мы с супругой.

— Замечательно, — говорит директор, — у нас есть замечательный мальчик Ваня, добрый, искренний ребёнок.

— А можно позвать его?

— Конечно. Мишалов! Иди сюда!

Опять Ваня пришёл, посмотрев на родителей уже недоверчиво. Он больше не бросался навстречу с распростёртыми объятиями, как в первый раз. Он научился ждать. Он научился смотреть — не на лица, а в глаза. Глаза не лгут.

— Ну расскажи о себе, Ванюшка.

Ваня молчал. Он смотрел на мужчину, на женщину, и в его глазах не было ни страха, ни надежды. Только тихое, глубокое ожидание — как у человека, который уже не верит в чудеса, но всё ещё не может перестать их ждать.

Родители удивились:

— А он что, не разговаривает?

— Что вы, он очень разговорчивый, просто сейчас, наверное, не хочет, — сказала директор.

— Мы подумаем, — сказали они.

Как-то раз и они ушли. Ваня смотрел им вслед. Он не плакал. Он уже не плакал после таких визитов. Но в его сердце что-то сжималось — тихо, глухо, как будто кто-то сжал его рукой и держал, не отпуская.

И как-то раз Ванюша, поражённый этому, гулял на площадке. Дети игрались, смеялись, бегали. Ваня сидел на скамейке, смотрел на них и думал о том, что детство проходит мимо него — тихо, незаметно, как поезд, на который он не успел сесть. И вдруг он увидел одно зеркальце небольшое. Оно лежало в траве, чуть припорошённое землёй, с трещинкой в углу. Ваня поднял его, посмотрел на свои заплаканные глаза, утёр их, взял себе это зеркальце. Оно стало его маленьким сокровищем — не потому, что было красивым, а потому, что в нём он мог видеть себя. Иногда ему казалось, что он теряет себя — среди чужих домов, чужих имён, чужих ожиданий. А зеркальце напоминало: ты есть. Ты — Ваня. Ты — живой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.